

DOI 10.18522/2415-8852-2026-2-7-18

**«КОСМОС СТЕПИ НАЧИНАЛСЯ
СРАЗУ ЗА ГОРОДСКИМ ШЛАГБАУМОМ»**

Елизавета Шапочка – краевед, ведущий библиотекарь отдела дореволюционных и ценных изданий Центральной городской публичной библиотеки имени А.П. Чехова в Таганроге. Автор книг «Таганрогская Александровская гимназия» (2010), «Таганрог от Петра Великого до Чехова» (2023). В разное время работала научным сотрудником и заведующей музеем «Лавка Чеховых».

В этом номере Р&I Елизавета Шапочка рассказывает о «неправильной провинции», о свободе южных гимназий и о том, как с помощью клея и антрацита создается история. Беседовала Екатерина Максимова.

Елизавета Алексеевна, обращаюсь к вам как к одному из создателей таганрогского мифа. Я о музее «Лавка Чеховых» – важном символе Таганрога. Многими лавка воспринимается как «кусочек XIX века», как сохранившееся в первозданном виде место. Но ведь это советский проект – музей, к созданию которого вы приложили руку. Расскажите, как создаются «чеховские места».

В Таганроге чеховская история начинается вскоре после кончины писателя в июле 1904 года. Когда директор Коммерческого училища Евгений Гаршин создает «Чеховский кружок», объединивший городскую интеллигенцию. Пожалуй, именно это событие стало точкой отсчета в собирании и накоплении материалов о Чехове, которые легли в основу будущих музейных экспозиций. А «чеховские места» создаются обычно в результате кропотливой исследовательской работы – коллективным трудом научных сотрудников музеев.

«Лавка Чеховых» – это небольшой двухэтажный особняк владельца водочных складов купца Иосифа Моисеева в бывшем Ярмарочном переулке, сегодня это улица Александровская, дом 100. Как известно, Чеховы долгое время не имели собственного дома. В Таганроге семья сменила семь квартир, пока на родовом участке не построили соб-

ственный дом. Лавка – это последнее съемное жилье Чеховых в Таганроге. Пять лет провели они в этом обустроенном особняке, здесь и торговали, и жили, и даже сдавали комнаты квартирантам. В 1873 году Павел Егорович Чехов начал строительство собственного дома на земле, приобретенной отцом, Егором Михайловичем. Непрактичного Павла Егоровича настигли неудачи и в строительстве, и в торговле. В апреле 1876 года он, разоренный стройкой, фактически бежит от кредиторов в Москву.

Постояльцы особняка Моисеева сменялись, и до 1970-х годов никакого музея здесь не было. Когда город принял решение создать чеховский музей, в этом здании располагался «Энергосбыт». Сотрудникам Литературного музея предстояло воссоздать давно ушедший мир семьи Чеховых с его купеческим бытом, открыть мемориальный музей с торговым помещением – лавкой отца будущего писателя.

Для СССР формат музея-лавки был уникальным, и мы не до конца понимали, с чего начинать. Директор Александр Степанович Дымов отправил нас, научных сотрудников, читать воспоминания Александра Чехова, старшего брата Антона Павловича. В мемуарах «Чехов – лавочник» Александр детально рассказал, как Чеховы жили, чем торговали. Благодаря Александру мы составили обширный список товаров отцовской лавки, а в том, что лавка кажется живой, настоящей, боль-

шая заслуга Юрия Самойловича Яковенко, знатока старины, художника, сотрудника Таганрогских художественных мастерских. Муляжи продуктов, стилистика и колорит лавочного помещения – все это его работа. Он же создал эскиз, а затем занимался воплощением знаменитой вывески «Чай, сахар, кофе и другие колониальные товары». Александр Чехов в мемуарах пишет, что эти слова были выведены сусальным золотом на большой черной вывеске над входом в отцовскую лавку. Конечно, ни сусального золота, ни черной вывески у нас не было. Мой коллега Сергей Чесноков раздобыл антрацит, который мы дробили всем научным коллективом, а художник Юрий Самойлович добавлял в угольную пыль клей, олифу, смолы. Полученный состав органично лег на оббитое металлом полотно – было видно, что это не какая-то «простая советская краска», а красивая шероховатая поверхность с блестками. Вместо сусального золота надпись сделали бронзовой краской, но все равно вывеской были все довольны. Воссоздать богатый купеческий мир Павла Егоровича оказалось совсем не просто, советский период вывел многие товары из обихода. Нам пришлось узнать, что такое яичное мыло или, скажем, сахарная голова. Для производства сахарной головы использовали металлические формы в виде конуса, сами головы оборачивали в синюю плотную бумагу, надевали белый колпак, – так все это и выглядит в музее.

Во времена Чехова особняк Моисеева – это окраина Таганрога. Соседний Смирновский переулочек назывался тогда Кладбищенским, потому что рядом и тогда, и сейчас находится некрополь, где покоятся жители города, его отцы-основатели и где стоит не тронутая событиями двух веков церковь Всех Святых. Тогда, в 1869 году, неподалеку открыли железную дорогу, рядом была ярмарка, так что, выбирая этот дом, Павел Егорович Чехов надеялся на бойкую торговлю. Ожидания оправдались лишь отчасти. А сегодня музей «Лавка Чеховых» стал привычной частью таганрогского культурного ландшафта, когда находишься в нем, несложно представить, где и как происходили все те истории, о которых пишет в своих воспоминаниях Александр.

Истории, из-за которых семья отвернулась от Александра: слишком много неприглядных моментов купеческой жизни припомнил обиженный на отца старший сын.

Да, Александр многое рассказал: и про то, как зашивали карманы мальчикам-лавочникам, чтоб ничего не припрятали, и про продажу «тайных женских средств», и про мелкие лавочные жульничества. И, конечно, знаменитая история про крысу на самом деле была историей про отца. Александр пишет, что среди товаров у купца Павла Егоровича была бочка деревянного масла, недорогого

сорта оливкового. И вот однажды в эту бочку упала крыса. Павел Егорович был «богобоязненным купцом» – страшное сочетание, по мнению Александра. Купец выкинул бы крысу, никому ничего не сказал и продолжил продавать масло, богобоязненный человек просто вылил бы масло. Но Павел Егорович был и богобоязненным, и купцом: он вспомнил о силе очистительной молитвы, пригласил священника для проведения обряда очищения от скверны и еще, как ни странно, позвал к обряду своих постоянных покупателей, а потом долго удивлялся, что избавленное от скверны масло продается как-то неважно.

Александр плохо хранил семейные тайны, носил обиду на отца за порку, скандалы с матерью из-за мелочей. Старших детей Павел Егорович порол, а младших не трогал. И кроме воспоминаний Александра «Чехов-лавочник», «Чехов-певчий», «Чехов в греческой школе» есть много раз переизданные мемуары «Вокруг Чехова» младшего из детей – Михаила, а также воспоминания сестры Марии и братьев Ивана и Николая. И если мемуары Александра похожи на неприятную правду, то воспоминания младших детей выглядят скорее как картинки из «милого незабвенного детства».

Чеховские места создаются и сегодня. Тот самый дом, из-за которого разорилась семья, недавно стал ча-

стью музея. Чеховы так толком и не успели в нем пожить?

Да, в 2022 году открылся музей в доме на улице Розы Люксембург, 77. Это единственный в Таганроге дом, который принадлежал семье писателя. Любопытно, что по соседству в одиноком запустении находится еще одно чеховское место – дом, с которого начинается таганрогская история семьи, людей пришлых, они же из воронежской глубинки. Дед Чехова Егор Михайлович был крепостным, но в 1841 году откупил на волю семью. Сыновей Павла и младшего Митрофана перевез на Юг и поселил в Донском переулке в Таганроге. Сегодня этот дом в удручающем состоянии, хотя является важнейшей составляющей чеховской истории. Но вернемся на улицу Розы Люксембург, прежде она называлась Конторской, потом Елизаветинской. В собственный дом Чеховы вселились ранней осенью 1874 года, в следующем 1875-м году старшие братья уехали учиться в Москву. Александр, блестящий выпускник таганрогской гимназии, обладатель серебряной медали, был зачислен без экзаменов в Московский императорский университет. Николай поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, тогда в жизнь Чеховых вошли Левитан и Шехтель. В 1876 году отец Павел Егорович тайно уехал из Таганрога в Москву из-за долгов, за ним уехали мать Евгения Яковлевна и младшие дети.

В Таганроге, в проданном доме, квартирантом остался Антон – доучиваться в гимназии. Три года будущий писатель жил самостоятельно, оставшись без средств, порой голодая, потихоньку распродавая семейные пожитки и отправляя деньги в Москву, где тем временем бедствовала семья. Зато в эти годы он влюбился в театр, написал свою первую пьесу «Безотцовщина», по мотивам которой Михалков с Адабашьяном создадут сценарий «Неоконченной пьесы для механического пианино». И вообще быстро вырос, чтобы совсем скоро стать главой и кормильцем своей большой семьи.

О Таганроге часто говорят как о неправильной провинции и несостоявшейся столице, как о южном аналоге петербургского мифа, с похожей ролью Петра I. «Таганрог, с его особым положением в Российской империи и разноязыким населением, больше походил на колониальную столицу, чем на провинциальный город», – пишет в «Жизни Чехова» Дональд Рейфилд. Вы с этим взглядом на город согласны? В чем его особое положение? И в чем влияние на Чехова?

Я согласна с мыслью о Таганроге как о неправильной провинции. Своим рождением и развитием он обязан трем императорам –

Петру I, Екатерине Великой и Александру I. В XVIII веке для экономической свободы России необходимо было пробиться к южной воде, чтобы наладить торговые связи со странами Средиземноморья. Нужно было оттеснить турок и завоевать Азово-Черноморское побережье, для этого Петр основал крепость на Азовском море. Как и Петербург, это был зыбкий город, построенный без особой мысли о его будущих жителях. Летом африканский зной, зимой северо-восточные ветры, выдувающие, кажется, душу. Азовское море – самое мелкое из всех морей, но самое богатое в прошлом рыбой. Высокий мыс плохо держал фундаменты, пресной воды не хватало. Тем не менее в XVIII веке город облюбовали греческие поселенцы, постепенно завладевшие основным капиталом. Греки умели не только копить, но и тратить: открывали церкви и школы, выписывали из Франции поваров, а из Италии скульпторов. Пригласить итальянца для создания могильного памятника было вполне распространенной практикой в Таганроге.

Город образовался между двумя стихиями: морем и степью. Море – это порт, торговля, иностранные корабли, неповторимый колорит, привнесенный поселившимися в городе греками и итальянцами. В «греческом царстве» Таганрога были и Итальянский переулочек, и католический костел, и лютеранская церковь, и синагога. С другой стороны – космос степи, а она начиналась сразу

за городским шлагбаумом – Чехову обязательно было ехать к бабушке Егору в степную глубинку. Таганрог – город степной «верховки», выдувающей воду из-под фелюг и дерзкой «низовки», когда, собирая рыбу «аки по суху», можно было утонуть в быстро набегающей воде. Степное величие, необъятность вызывали восторг, мысли о непроеденных дорогах, о вечном движении. Степь, как и стихия моря, впечатляла. Приазовскую степь Чехов вспоминал даже по дороге на Сахалин.

В Таганроге было 16 консульств, в 1806 году появились мужская гимназия и городская сад, в 1827 году открылся театр. Десятки европейских кораблей на рейде, смешение языков, стилей одежды, обычаев – конечно, Таганрог влиял на Чехова, а что было главным, не знает никто. Наверное, все сразу: и обвешивание покупателей в лавке, и пение в церковном хоре отца, и гимназия с изучением четырех языков, и рыбалка, и театр, и городская библиотека. И обретение родного дома, и жизнь в нем квартирантом. Все имело значение.

Таганрогской гимназии вы посвятили целую монографию. Открывается она цитатой из чеховского письма о том, как «свободно дышится в наших южных гимназиях». Можно принять ее за чистую монету, пока не увидишь, как далеко это письмо от

патетического восторга. Чехов пишет Суворину из Москвы, рассказывает о своем первом кровохарканье, о жильце-гимназисте, о навестившем его классном наставнике, недалеко земляке-южанине. Наставник жаловался на жизнь, а на реплику Чехова о свободе южных гимназий «безнадежно махнул рукой и ушел». В общем, искать ли иронию в словах о свободе южных гимназий? И что такое гимназия для провинциального города того времени?

Дышалось ли свободно в гимназии, где учился Чехов? Большая часть преподавателей чеховской поры – выпускники Санкт-Петербургского педагогического института, Императорского Новороссийского университета. Грек Константин Зико представлял Афинский университет. Гимназисты «контрабандою» читали Дрейпера, Милля, Спинозу, Гизо, Белинского, Добролюбова и Писарева, а иначе можно прослыть «недоразвившимся до понимания серьезных книг», как вспоминал Александр Чехов. В партах держали «Похождения Рокамболя», «Парижские тайны», «Тайны Мадридского двора» и «тому подобную литературу». Маскировались, когда ходили тайком на театральную галерку, играли в мяч с преподавателями на прогулках. Да, вестибюль гимназии начинался и заканчивался карцером под лестницей,

но время, когда секли, прошло. Да, домашнее чтение контролировали, и родителей вызывали, и на второй год оставляли – так было с Чеховым во втором и пятом классах. И учителя, плохо говорящие на русском, встречались. Но из Таганрога Чехов уехал учиться в Москву со стипендией от города. И это недавний двоечник, сын разорившегося лавочника.

Чехов был свободным человеком, несмотря на его признание Суворину о «выдавливании рабской крови». Впервые проявления этой свободы мы наблюдаем в детстве, когда старший брат Александр ударил Антона жестяной по голове и ожидал наказания, но Антон никому не рассказал об этом. Промолчал, что поразило старшего брата, этот случай он запомнил на всю жизнь. В тот момент психологически Антон стал старше Александра.

А роль гимназии для провинциального города помогут понять факты. Первая российская гимназия была открыта в 1726 году в Петербурге при Академии наук, две другие старейшие гимназии появились при университетах – в Москве в 1755 году, и в Казани в 1758. Так что в начале XIX века на огромной территории Российской империи действовали всего три гимназии. В 1804 году вышел первый «Устав учебных заведений, подведомых университетам», он поделил Россию на шесть учебных округов во главе с университетом в каждом, тогда количество гимназий выросло до шести. По правилам того време-

ни в гимназии принимали молодых людей после уездных училищ или с домашней подготовкой. Сословных препятствий не было: учиться в гимназии, а потом поступать в университет могли даже крестьянские дети. Понятно, что на практике это случалось крайне редко.

Реформа предполагала открытие гимназий в губернских городах, и по этой логике уездный Таганрог был должен довольствоваться уездным училищем. Но это же Таганрог, с его обширными торговыми связями, греческими богатствами, и вот в 1806 году стараниям градоначальника барона Кампенаузуна в городе появляется коммерческая гимназия. Это была вторая коммерческая гимназия Российской империи после одесской. Таганрог тогда негласно считался столицей Приазовского края, и в таких городах, как Ростов-на-Дону, Ейск или Керчь гимназии открылись значительно позже.

Братья Чеховы попали в гимназию после печального опыта посещения греческой школы. Сначала Павел Егорович отдал сыновей Николая и Антона в первый класс приходской греческой школы при церкви святых Константина и Елены. Школа не давала аттестата, а все уроки проводил единственный учитель, он же директор, грек, чей специфический русский язык стал предметом домашних шуток. В конце года учитель выдал братьям оценки: «эвсевис», то есть «благочестивый», Николаю и «эпимелис» –

«прилежный» – для Антона. Павел Егорович в порыве отеческой гордости пригласил в гости знакомых греков, чтобы похвастаться достижениями мальчиков, и предложил сыновьям почитать греческий текст. Выяснилось, что «эвсевис» и «эпимелис» за год учения не продвинулись дальше альфы и беты. Это греческое фиаско заставило Павла Егоровича пересмотреть образовательную стратегию, поднатужиться и отдать сыновей в гимназию. Благодаря таганрогской гимназии в семье Чеховых появились первые университетские люди – Александр и Антон.

В своей монографии о Таганрогской гимназии за идею книги вы благодарите Дональда Рейфилда. А Рейфилд, один из самых ярких современных чеховедов, благодарит вас за помощь в работе в предисловии к своему бестселлеру «Жизнь Антона Чехова». Это обмен этикетными формулами между чеховедами или нечто большее, какая история за ними стоит?

С профессором Рейфилдом мы познакомились в 1994 году, когда в Литературном музее проходила большая чеховская конференция. После конференции Дональд не смог уехать, потому что его автомобиль был в ремонте у таганрогских мастеров после длительной поездки в Грузию. По просьбе

чеховеда Алевтины Павловны Кузичевой Дональд остановился у нас дома. Так началась дружба и переписка, которая поддерживается все эти годы. Тогда мы много общались, ходили по Таганрогу пешком, потому что для Рейфилда было принципиально пройти дорогами Чехова, посчитать количество шагов от дома до гимназии, например. А потом уже из Лондона, работая над рукописью, он задавал вопросы, на которые я отвечала в письмах. Рейфилд добросовестный исследователь, яркий, может быть, излишне прямой, но он ничего не придумывал, он работал в архивах и сделал много открытий. Масштаб этого человека, интеллектуала, полиглота, острослова, замечен в его книге «Жизнь Чехова». А еще почитайте его «Записки об Англии», поймете, что он резок не только с русскими культурными иконами, но и со своими тоже. У Рейфилда всегда сотни идей. Музеем «Лавка Чеховых», когда я была его заведующей, он дал прекрасный совет, говоря, что в лавке очень хорошо и уютно, но как будто чего-то не хватает. Подумал и нашел. Запахов! И правда, чай, кофе и другие колониальные товары должны ведь пахнуть. После этого в музее появился чайный отдел. Да, действительно он подал мне идею заняться изучением гимназических учителей, ментально оценив их роль в жизни Чехова и в жизни Таганрога.

Из таганрогской гимназии выйдет много блестящих выпускников, самые заметные,

конечно, братья Чеховы. Кстати, известные литературоведы, исследователи Чехова Сергей Балухатый и Леонид Громов – тоже ее воспитанники. Но было множество других замечательных имен, которые в свое время гремели на всю Россию, а сейчас подзабылись. Есть, например, человек, благодаря работе которого появился один из главных городов России – Новосибирск. Если Антона Чехова называют основателем нового театра, то Николая Белелюбского можно смело назвать отцом российского мостостроения – важнейшей отрасли для того времени. Сегодня мы привыкли к сверхскоростям и можем представить, что такое экспресс, разгоняющийся до двухсот километров в час, так движется поезд между Москвой и Петербургом, но нам сложно представить, что в середине XIX века поезда разгонялись до двадцати километров, и что эти результаты казались головокружительными. Александр Чехов писал, как, будучи гимназистом, совершил с отцом путешествие из Таганрога в Ростов «всего» за три-четыре часа.

А когда в 1890 году сам Антон отправился в путешествие на остров Сахалин, железная дорога доходила до Екатеринбурга, а дальше – «конный поезд», ехать можно только в повозках. От Томска до Красноярска Чехов ехал восемь дней, не ехал – «полоскался в грязи», как он потом напишет. Но спустя всего несколько лет этим же путем поедет другой фигурант российской истории – Вла-

димир Ульянов. Ленин окажется в числе первых пассажиров, которые сквозным железнодорожным путем ехали через всю страну к берегам Енисея.

Мост через Обь, по которому поезд вез будущего вождя мирового пролетариата, был построен по проекту уроженца Таганрога Николая Аполлоновича Белелюбского. Обской мост вошел в историю как крупнейшее сооружение Западно-Сибирской магистрали – ему своим рождением обязан город Новосибирск. По проектам Белелюбского были построены сто больших мостов практически через все крупные реки Российской империи: Волгу, Днепр, Обь, Каму, Оку, Неву, Иртыш, Неман. Белелюбский был профессором, членом Академии художеств, обладателем гран-при Всемирной парижской выставки инженерных сооружений. А строить своих студентов он учил так: «рачительно, бережно, экономично, прочно и ново». За это его самого ценили современники – за смелость технических решений, прогрессивные идеи, высокую надежность и рациональный подход. «Не человек, а целое министерство», – так о нем говорили.

Конечно, таланты были и среди учителей гимназии. Это и несостоявшийся оперный певец законоучитель Федор Платонович Покровский, давший Антону прозвище Чехонте. И Владимир Федорович Помян, латинист, который переводил с итальянского поэта-пессимиста Джакомо Леопарди. Они не

могли не оказать влияния на Чехова. Когда-то давным-давно я изучала гимназические учебники и поняла, что и они оставили свой след в Чехове. Мы знаем, что Чехов так умел концентрировать и преображать своим талантом выражения, что они становились крылатыми. Меня сопровождают его «Никто не знает настоящей правды» из «Дуэли» и «Ничего на этом свете не разберешь, госпо-

да» из повести «Огни». Так вот в гимназическом учебнике по словесности Филонова, по которому учились братья Чеховы, приводятся мысли о ясности и краткости речи из Горация и Квинтилиана. Возможно, их отголоски мы слышим, когда в письме к старшему брату звучит чеховское резюме «краткость – сестра таланта».

Для цитирования: Шапочка, Е.А., Максимова, Е.С. «Космос степи начинался сразу за городским шлагбаумом» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2026. Т 11. № 2. С. 7–18. DOI 10.18522/2415-8852-2026-2-7-18

For citation: Shapochka, E.A., Maximova, E.S. (2026). “Cosmos of the steppe began just beyond the city barrier”. *Practice & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 11 (2), 7–18. DOI 10.18522/2415-8852-2026-2-7-18

Elizaveta Shapochka is a local historian and senior librarian at the Department of Pre-Revolutionary and Rare Editions of the A.P. Chekhov Central City Public Library in Taganrog. She is the author of “The Taganrog Alexander Gymnasium” (2010) and “Taganrog from Peter the Great to Chekhov” (2023). At various times, she has worked as a research associate and head of the Chekhovs’ Shop Museum.

In this issue of P&I, Elizaveta Shapochka talks about the “wrong kind of” province, the freedom of southern gymnasiums, and how history is made with glue and anthracite. Interview by Ekaterina Maximova.

